

С.В. Дмитриев

Материалы о. Аввакума Честного по брачной обрядности маньчжуров*

Статья посвящена деятельности одного из известных российских синологов, главы 11-й Российской духовной миссии в Китае о. Аввакума Честного. Он не оставил богатого опубликованного научного наследия, однако обладал большим авторитетом как востоковед-практик, работавший в области российской дипломатии 1840–1860-х гг. Ряд его переводных работ находятся в фонде известного российского ориенталиста К.А. Скачкова, хранящемся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве. Среди них имеется небольшой по объему перевод с китайского текста «Древние брачные обряды маньчжуров», который «сочинил Со-нин-ань в первый год правления Цзя-цин (1796)». Как видно из текста, принадлежит она перу маньчжура, который в своей работе сетует, что маньчжуры, завоевав Китай, забыли обычаи предков, восприняв китайские ритуалы и обряды. Целью своей работы он ставит воссоздание «древних маньчжурских обрядов», в частности брачных, которые он пропагандирует среди широких масс маньчжуров.

Ключевые слова: брачная обрядность, маньчжуры, о. Аввакум Честной, 11-я Российская духовная миссия в Китае, Российская государственная библиотека, фонд К.А. Скачкова.

Архимандрит о. Аввакум Честной, один из переводов с китайского которого мы здесь публикуем, относится к целой плеяде отечественных синологов XIX в., которые работали в Китае в составе Российской духовной миссии. Его деятельности в составе Миссии, а затем на поприще переводчика Азиатского департамента Министерства иностранных дел России посвящено несколько публикаций. В частности, его жизнь была представлена достаточно подробно еще в дореволюционное время. Первая биографическая статья, посвященная о. Аввакуму, появилась в первом томе «Русского биографического словаря» еще в 1896 г. (РБС, 1896, с. 22–23). Этот очерк неизменно использовался в последующих публикациях, которые уже более детально исследовали жизнь и деятельность этого человека. В частности, об этом упоминает автор обширного и интересного очерка об о. Аввакуме, опубликованного в 1899 г. в «Тверских епархиальных известиях» (ТЕВ, 1899). Те же материалы были использованы и А. Родосским при подготовке биографического словаря студентов Санкт-Петербургской духовной академии (Родосский, 1907, с. 2–3). В 1998 г. в виде предисловия к дневникам о. Аввакума появилась новая, посвященная ему биографическая статья, написанная С.А. Васильевой (Васильева, 1998, с. 5–22), основные положения которой содержатся также в сетевой версии «Русского биографического словаря», где многие подробности биографии о. Аввакума нашли новое освещение (С.А. Васильева, сетевая версия), а совсем недавно опубликованная статья П.В. Густерина в журнале «Новое и новейшее время» (Густерин, 2008). Кроме того, в обзорных работах ряда исследо-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Архивные материалы по истории и этнографии Центральной Азии»), проект № 08-01-00066а.

вателей, писавших об истории отечественной синологии и Российской духовной миссии, деятельности о. Аввакума в Китае посвящались отдельные страницы. Прежде всего это относится к фундаментальному труду по истории российского китаеведения П.Е. Скачкова (Скачков, 1977, с. 118, 142–144, 169, 170, 322, 327, 328, 421–422; Бэй-гуань, 2006, с. 76–82).

Согласно этим материалам, архимандрит Аввакум (в миру Дмитрий Семенович Честной) родился 18 сентября 1801 г. в Тверской губернии, в погосте Рожок, расположенном в 30 верстах от Осташкова на озере Селигер, по правую сторону Старорусского тракта, в многодетной семье Семена Дмитриевича Честного, в дальнейшем священника в селе Никольском (ранее Бабино), Старицкого уезда. Окончив курс Тверской семинарии (1824), где он демонстрировал отличные знания по церковной истории, богословию, а также греческому и еврейскому языкам, он поступает в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую заканчивает в 1829 г. Однокурсником и другом Честного был известный впоследствии историк христианского Востока епископ Порфирий Успенский. В сентябре того же года «академической конференцией с утверждением комиссии духовных училищ возведен на степень старшего кандидата с правом получить степень магистра по прошествии одного года, если служба его будет одобрена епархиальным начальством». В том же 1829 г. вместо отслужившей свой десятилетний срок Российской духовной миссии в Китае правительством снаряжалась новая (11-я) миссия в Пекин под начальством архим. Вениамина (Морачевича). В число миссионеров-иеромонахов назначен был и кандидат Духовной академии Димитрий Честной. Перед отправлением в Китай, 9 ноября 1829 г. он был пострижен в монашество, принял новое имя — Аввакум, 20 ноября митрополитом Филаретом рукоположен в сан иеродиакона, а 21 ноября — в сан иеромонаха. В 1830 г. его возвели в степень магистра, и он получил диплом и магистерский крест. Поступление в китайскую миссию было очень важным шагом в его жизни — была решена его дальнейшая судьба, определился характер и направление всей его последующей деятельности. Основы китайского языка Аввакум в 1830 г. изучал в Кяхте под руководством известного востоковеда отца Иакинфа (в миру Никиты Яковлевича Бичурина), на которого произвел благоприятное впечатление. В дальнейшем он занимался китайским языком по переводу о. Иакинфа «Сань цзы цзина», затем читал «Сы шу», «У цзин» и части «Ши цзина».

Служба пекинских миссионеров в то время имела характер довольно разносторонний. Учрежденная в начале XVIII столетия для удовлетворения религиозных потребностей русских пленников и их потомков, Российская духовная миссия в Китае с течением времени должна была расширить круг своей деятельности. К первоначальному чисто пастырскому служению ее членов присоединились еще научные обязанности — изучение Китая, его языка, истории и религии, а также дипломатические — посредничество при сношениях русского правительства с Китаем.

О. Аввакум по прибытии в Пекин занял должность помощника начальника Миссии. Кроме того, он управлял Албазинским училищем. По воскресным дням, отслужив молебен, он произносил по-китайски проповеди в Успенской церкви, для чтения прихожанам переводил на китайский язык поучения, церковные песнопения и молитвы, перевел сочинение И.Д. Мансветова «Черты деятельного учения вере» (1839), на тибетский язык он перевел Евангелие от Луки (1840). В 1835 г. он был назначен начальником Миссии вместо уволенного по болезни до выслуги обязательного 10-летнего срока архим. Вениамина. Теперь круг его деятельности расширился; на нем лежало руководство остальными членами и управлением всеми делами миссии; но вместе с тем он получил большую свободу в ученых занятиях. Одновременно он редак-

тировал «Труды членов Русской духовной миссии в Пекине». Во главе миссии о. Аввакум оставался до самого конца своего десятилетнего пребывания в Пекине, т.е. до 1840 г.

В эти годы о. Аввакум получил известность как востоковед. В период своего пребывания в Пекине он приобрел обширные знания о жизни и истории Китая, его языке, религии и быте. Согласно инструкции, каждый член миссии должен был изучать какую-нибудь тему, касающуюся древнего и современного состояния Китая и отчет о своих занятиях представлять в Азиатский департамент. О. Аввакум, как иеромонах, обязан был, «получив достаточное познание в китайском и маньчжурском языках, заниматься исследованием веры Фоевой и веры Лоудзья, переводами книг в коих изъясняются правила сих вер, и приготовлением нужных на оныя возражений». О. Аввакум, имевший особую склонность и способность к языкознанию, кроме двух обязательных языков, китайского и маньчжурского, под руководством ученых монгольских и тибетских лам изучил еще языки монгольский, тибетский и корейский. Благодаря этому он получил возможность знакомиться с разнообразной литературой и извлекать из нее ценные сведения в разных областях знания. Занимаясь обязательным, по инструкции, исследованием конфуцианской и буддийской религий, он в то же время интересовался вопросами истории, географии и этнографии разных народностей Восточной Азии, обращая особенное внимание на данные из древних китайских письменных источников, имевшие отношение к России. Кроме того, он собирал известия о древних проповедниках христианства до иезуитов, занимался вопросами истории Кореи и Индокитая. Также он специально изучал обряды, исполняемые китайцами при заключении брака, жертвоприношениях и похоронах. О. Аввакум перевел историю первых четырех государей маньчжурского дома, царствовавших в Маньчжурии, биографии монгольских полководцев. Им был сделан ряд переводов с маньчжурского языка, в частности сочинения Кан-си «Описание Жохэра» (Жэхэ) и сочинения Цянь-луня «Описание Мукдена». Кроме того, он сделал разбор тибетских письмен, перевел с этого языка две рукописные повести и грамматики тибетского языка (Бэй-гуань, 2006, с. 80–81).

Таким образом, о. Аввакум за время своего пребывания в Пекине успел приобрести значительный запас основательных и разнообразных сведений о культуре народов Дальнего Востока и имел в этой области неоспоримый авторитет. В дальнейшем он активно сотрудничал с известными российскими ориенталистами — о. Иакинфом Бичуриным, В.В. Григорьевым и др. Многие современники отмечали при этом его удивительную скромность и полное равнодушие к личной известности. Он всегда был готов делиться своими фундаментальными знаниями в самых разных областях традиционной культуры Дальнего Востока.

Сразу по возвращении из Китая о. Аввакум был причислен к Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел в качестве переводчика, и ему было поручено составить «Каталог книг, рукописям и картам на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящимся в библиотеке Азиатского департамента». Включенные в него произведения восточной письменности (609 названий) в разное время были приобретены для библиотеки Азиатского департамента. В 1843 г. составленный им каталог был напечатан с подлинными названиями книг и рукописей, но без имени составителя (Каталог, 1843). За успешное выполнение этого поручения о. Аввакум в 1844 г., по ходатайству МИДа, был возведен в архимандриты.

Список его научных трудов невелик. В 1846 г. В.В. Григорьевым в «Журнале министерства народного просвещения» был напечатан перевод древней монгольской надписи, сделанный о. Аввакумом (Григорьев, 1846), а позже он поместил в «Запис-

ках Сибирского отдела ИРГО» две заметки по археографии Сибири (Аввакум, 1856а; 1856б). Другие его работы, в том числе отчеты об ученых занятиях, которые он посылал в Азиатский департамент, а также рецензии на статьи, которые издавались в дальнейшем в Иркутске в 1855–1857 гг., где он находился в те годы, так и не стали известны читателям. Однако авторитет его как действительного знатока Востока был неоспорим.

В качестве переводчика о. Аввакум участвовал в ведении переговоров с представителями Китая и Японии, участвовал в экспедиции миссии генерал-адъютанта графа Е.В. Путятина, отправившейся в 1852 г. на фрегате «Паллада» в Японию. В ходе этого путешествия он вел дневник, частично опубликованный только в последнее время (Аввакум, 1998). Затем два года он провел в Иркутске, прикомандированный к генерал-губернатору Восточной Сибири генерал-лейтенанту графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому, участвовал в переговорах о присоединении к России Амурского края. В 1857–1858 гг. он принял деятельное участие в дипломатических переговорах Путятина с китайским правительством, результатом которых было заключение Тяньцзиньского трактата от 1 июня 1858 г., расширявшего права русских купцов в Китае, предоставлявшего России право назначать консулов в открытые для российских торговых судов порты и распространявшего на Россию права наибольшего благоприятствования. Этой стороне его деятельности посвящена специальная статья П.В. Густерина (Густерин, 2008).

Вернувшись из экспедиции Е.В. Путятина вверх по Амуру в Иркутск, о. Аввакум в следующем 1859 г. сопровождал Н.Н. Муравьева в его экспедиции в Японию, предпринятой с целью переговоров об острове Сахалине. В 1860 г. вернулся в Санкт-Петербург и с тех пор он жил в Александро-Невской лавре, занимаясь переводами. Скончался 10 марта 1866 г., в возрасте 64 лет. Похоронен (13 марта) подле задней стены лаврской церкви Св. Духа (снесенной в годы советской власти). На могиле его был поставлен изготовленный в Пекине и присланный оттуда почитателем покойного архим. Палладием надгробный памятник из черного гранита с надписями на русском и китайском языках (обнаружить его пока не удалось).

Как отмечает в своей книге П.Е. Скачков, многие рукописи о. Аввакума хранятся в архивном собрании К.А. Скачкова, который находился в составе 13-й Российской духовной миссии в Китае (1849–1859), руководимой архим. Кафаровым, где он состоял при обсерватории Миссии. В дальнейшем К.А. Скачков изучил китайский язык, стал знатоком сельского хозяйства и кустарной промышленности Китая, оставил содержательные записки по этим вопросам. Из Китая он привез значительную часть архива Российской духовной миссии, в составе которого были рукописи многих членов Миссии, в том числе о. Аввакума Честного, которые в 1884 г. были переданы вдовой К.А. Скачкова в Румянцевский музей (ныне Российская государственная библиотека), где составили фонд 273. Рукописи о. Аввакума содержатся в трех папках, описанных П.Е. Скачковым (Скачков, 1977, с. 143–144, 421–422).

В первой из этих папок, названной «Записки и заметки о Китае. 1830–1840», помещены дневниковые записи о. Аввакума, копии отчетов в Азиатский департамент, отзывы о трудах членов Миссии, переводы и т.д. Среди переводов о. Аввакума имеется текст под названием «Древние брачные обряды маньчжуров» (ОР РГБ, ф. 273, ед. хр. 9, л. 7–14об.), который представляет собой автограф переводчика, т.е. о. Аввакума. Написан он на обеих сторонах согнутых пополам и сброшюрованных листов бумаги. По всей видимости, автор принадлежал к числу маньчжурских националистов конца XVIII в. В своей работе он сетует, что маньчжуры, завоевав Китай, забыли обычаи предков, восприняв китайские ритуалы и обряды. Своей целью он ставит

воссоздание «древних маньчжурских обрядов», в частности брачных, которые он пропагандирует среди широких масс маньчжуров. Текст публикуется с сохранением лексических особенностей источника. Постраничные сноски сделаны о. Аввакумом¹.

Древние брачные обряды маньчжуров

Общие понятия о браке

Брак совершается ночью, отчего на китайском языке получил и название *хунь* (мрак ночной по-китайски *хунь*; эта же буква в соединении с другой означает *женщину* или *девицу*, значит *брак*). Совершение брака ночью имеет в основании своем ту мысль, что *инь* приходит тогда, когда *янь* отходит². Под словом *Янь* разумеется действущее начало в природе; свет солнечный, равно как и мужчина, относятся к этой же категории. Под словом *Инь* разумеется страдающее или материальное начало в природе; к этой категории относится и мрак, и женщина. Итак, предыдущая мысль значит только то, что мрак наступает (или приходит) тогда, когда солнце скрывается. Отсюда Китайцы заключают, что девица, относящаяся к категории мрака, должна приходить в дом жениха ночью. Чтобы эту ответственность выполнить во всей точности, то жениху до прибытия невесты надлежало бы предварительно уходить из дому и возвращаться туда уже поутру, но этого не бывает³.

Древние маньчжурские обыкновения

По Маньчжурским обыкновениям предварительно употребляется сваха. Дом жениха разведывает о невесте: умеет ли она готовить; какую имеет наружность и какой характер; какой она принадлежит фамилии и кто были предки ее до третьего колена (т.е. начиная от отца до прадеда). Дом невесты со своей стороны разведывает о женихе: какой принадлежит он фамилии и к какому племени; какого он поведения; учился ли чему-нибудь и чем занимается. Если оба находят себя соответствующими один другому, то с жениховой стороны посылается в дом невесте какая-нибудь знакомая женщина или пожилая опытная служанка посмотреть: какова невеста по наружности, в обращении и в приемах. Если она может быть парюю для жениха, то спрашивают об ее летах и сличают их с его возрастом. Девицы у Маньчжуров большею частию не имеют никакого имени, почему старинный обряд спрашивания об имени невесты иногда состоит только в требовании записки об ее летах.

По получении такой записки, выискивают астролога, который бы по летам жениха и невесты рассчитал их будущую участь. Если по всем расчетам окажется в судьбе их совершенное согласие, то опять посылают сваху посоветоваться об этом с родителями невесты. Если они согласятся выдать дочь свою в замужество, то обе фамилии извещают об этом всех своих родственников. В доме жениха назначается день, в который его родственники вместе с ним отправляются в дом невесты просить о заключении взаимного родства. По получении согласия со стороны ее родителей, женихо-

¹ Маньчжурские рукописи о брачной обрядности, хранящиеся в Институте восточных рукописей РАН, были опубликованы в: Pang, 1992a, p. 188–212; Pang, 1992b, p. 279–283; Pang, 1994, S. 268–278.

² В старину к совершению брака относилось шесть обрядов: 1) доставление украшений невесте, 2) спрашивание об ее имени, 3) извещение о счастливом времени для бракосочетания, 4) пересылка подарков невесте, 5) назначение дня для прибытия невесты в дом жениха, 6) свадьба.

³ Уход или отсутствие жениха из дому выражает его поклонение родителям невесты тотчас после того, как они согласятся отдать за него дочь свою и позволять жениховым родственникам прищипить ей на голову шпильку и вдеть ей серьги в уши.

вы родственницы тотчас пришиливают невесте нарочно принесенный головной убор и вдевают ей серьги в уши. После того заставляют жениха кланяться сперва усопшим предкам невесты, потом ее родителям и, наконец, важнейшим из ее родственников. Это в старину называлось *доставлением украшения* (нацай). Предварительное поклонение жениха родителям невесты означает отшествие начала янь и вместе преграждает путь к подлогам и обманам⁴.

Примеч.: В природе сперва закатывается, или, по выражению китайцев, отходит Солнце, и потом уже наступает (или приходит) мрак. Соответственно тому, при заключении брака, отшествие жениха выражается предварительным его поклонением отцу и матери невесты; затем вскоре должно последовать прибытие невесты в дом жениха, соответствующее наступлению ночного мрака в природе. Нелепость таких толкований свойственна одним только китайцам.

Сделав нужные собрания и назначив срок свадьбы, предварительно посылают служанку в дом невесты с известием, что в такой-то Луне намереваются совершить бракосочетание. Если родители невесты изъявляют на это свое согласие, то от жениха опять отправляют к ним служанку с живым гусем и водкою и извещают их о том, в который день назначено переслать подарки (залог) невесте. В старину это составляло обряд назначения срока (свадьбы).

В назначенный день, смотря по чину и должности, по важности или неважности, по бедности или богатству женихова отца, и сообразно с гражданскими постановлениями, заготавливают шелковые материи, головные уборы, ручные кольца и тому подобное и отсылается в дом невесты вместо залога. Это старинный обряд пересылки подарков.

В тот же день посылали обыкновенно бумагу с означением: в который день и в котором часу назначено посылать за невестою, также в котором часу имеет быть совершено бракосочетание. Это старинный обряд извещения о счастливом времени.

Самые свадьбы совершались большею частью ночью, чем выражалось пришествие материального начала Инь.

Маньчжуры и Маньчжуро-китайцы⁵ одинаково состоят в Императорской гвардии, но в обрядах имеют много между собою несходного. Собственно Китайские обряды и обыкновения отличаются от Маньчжурских еще более.

Что касается до Маньчжурских обрядов, то исстари они сохраняются только в устном предании и преемственно переходят от дедов к внукам и от отцов к детям, но не видно, чтобы где-нибудь были описаны. Потомки многое оставили и забыли, а за недостатком стариков в доме иногда не хотят обратиться к людям опытным, чтобы узнать от них обо всем в подробности. Таким образом, мало-помалу приучаясь к наружному блеску (т.е. Китайцев), совершенно забывают старинные уставы, и между тем никого об них не спрашивают. Есть Маньчжурские дома, которые при браках употребляют обряды Маньчжуро-китайцев; есть и такие, которые начинают приспособляться к обрядам собственно китайцев: неправда ли, таким образом Маньчжурские обряды мало-помалу могут быть совершенно оставлены? Притом Маньчжурские обыкновения, отличаясь особенно простотою, требуют сокращенности и удоб-

⁴ Когда родители и родственники невесты увидели жениха лично во время его поклонов, то невозможно будет подменить его после каким-либо убогим или дурным из его братьев или родственников, что у маньчжуров иногда случалось.

⁵ Под Маньчжуро-китайцами понимаются те, которые прежде жили в Ляодуне и, быв покорены Маньчжурами, вместе с ними вступили потом в Китай и овладели им в 1644-м году. По-китайски они называются Хань-цзюнь (т.е. Китайское войско), а по-маньчжурски — *ужень чбоха* (т.е. тяжелая кавалерия).

ства в обрядах. Значит, если сообразоваться с обычными народными и гоняться за блеском, то трудно будет удержать себя в должных пределах наших уставов.

В нашем доме из рода в род переходит завещание, чтобы в Маньчжурских обрядах со всею точностью следовать древним уставам и твердо помнить старинные обыкновения; чтобы к брачным обрядам, которые так полны и совершенны, отнюдь не придавать никакого блеску из простого подражания другим. Я твердо запечатлел это в своем сердце и никогда не смел сделать какое-либо малейшее от него отступление. Между тем, во всех домах я видел большие погрешности и мало-помалу укоренившееся подражание Китайцам в брачных обрядах. Опасаясь, чтобы потомки наши, из пристрастия к народной роскоши, совершенно не оставили старинных Маньчжурских обыкновений, я описал оные в этой книжке: пусть она послужит для них руководством к тому, чтобы следовать им со всею тщательностью и без погрешности.

Сочинил Со-нин-ань в первый год правления Цзя-цин (1796) во средней весенней луне (в Марте месяце).

I

Спрашивание об имени, т.е. сватанье

Когда сын или дочь достигнут надлежащего возраста, то родители обязываются приискать первому невесту, а второй жениха. В обоих случаях особенно должно наблюдать, чтобы лета жениха соответствовали возрасту невесты и чтобы дома их один другого стоил. Для приискания невесты обыкновенно употребляют сваху, советуются с нею, узнают об летах невесты, о фамилии и роде, к которым она принадлежит. Дом невесты, с своей стороны, тщательно разведывает о женихе: какого он поведения; чем занимается; из какого он знамени, полка и роты; к какой принадлежит фамилии; сын чиновника или простого Маньчжура; какие имеет способности и, наконец, какие обыкновения соблюдаются в доме его родителей. После того, как оба дома узнают все для себя нужное, от жениха посылается какая-либо родственница в дом невесты посмотреть ее наружность и приемы. Равным образом и из дома невесты посылается какой-либо мужчина посмотреть наружность жениха. Если окажется, что тот и другая могут быть парюю, то, выждав от родителей невесты согласие на выдачу ее в замужество, дом жениха тотчас требует показания об ее летах, сравнивает их с возрастом жениха и делает нужные расчеты.

Этот обряд в старину называли спрашивание об имени.

II

Доставление украшений, т.е., по-нынешнему, сговор

Сделав нужный расчет относительно возраста жениха и невесты, и не найдя никаких препятствий к заключению супружества, дом жениха через сваху извещает об этом родителей невесты. Если оба дома согласятся на заключение супружества, то у жениха избирают день для сговора и через сваху посылают извещение об этом в дом невесты. Оттуда получают согласие, делают повестку всем родственникам, что такой-то жених наречен взять в супружество в такой-то фамилии такую-то девицу. Дом невесты точно так же извещает об этом своих родственников. В назначенный день родители жениха, равно как и их родственники и все гости вместе с ними, отправляются в дом невесты. По прибытии к воротам (дома), приказывают человеку известить хозяина о цели своего прибытия. Ни сам он, ни его родственники, ни гости не выходят далеко от дому встречать прибывших, а только принимают их в комнаты, сажают на гостиные места, и чаю до времени не подносят. Мать жениха со всеми своими гостями отходит в женское отделение, и когда все сядут на гостиные места, начинает говорить хозяйке дома и ее родственницам: «у нас есть такой-то сын; в нынешнем

году исполнилось ему столько-то лет; хотя он не может идти в сравнение с красавцами, но зато не гуляка, не ветреник, и не имеет за собою никаких дурных поступков: теперь мы, собственно, пришли просить у вас в невесты для него такую-то вашу почтенную красавицу и желаем только, чтобы они провели сто лет в добром супружестве; кажется, это будет недурно!» Хозяйка дома делает обыкновенные оговорки; «наша дочь еще глупа и неопытна; не умеет еще взяться ни за веник, ни за сорный лоточек: опасно, чтобы супружеством она не нанесла бесчестие воротам веником». Жениховы гости употребляют разные извороты и с возможною настойчивостью подтверждают свою просьбу. Мужчины с его стороны, сидящие во внешних покоях, с такими же церемониями упрашивают хозяина изъявить свое согласие, то женихова мать со своими гостями тотчас берет головную шпильку и серьги; первую втыкает невесте в прическу, последние вдевает ей в уши. Кончив эту церемонию, посылают человека известить жениховых родственников, что брачный союз утвержден и шпилька прикреплена. Получив это известие, жених в сопровождении своего отца, родственников и гостей идет в женское отделение и, представившись нареченной теще, кланяется усопшим предкам невесты, потом ее родителям и почтеннейшим из родственников. После того родные невесты подают чай с молоком всем гостям и тогда только начинают знакомиться с новыми своими родственниками. По окончании всех церемоний, женихов отец со всеми своими гостями возвращается домой, причем отец невесты провожает их по установленному обряду.

В старину, когда родители невесты соглашались на выдачу ее в замужество, дом жениха со всеми своими гостями изъявлял им свою благодарность с соблюдением установленных обрядов. Ныне эту статью можно и оставлять.

После того как жених откланяется тестю и теще, иногда оставляли его немного посидеть и потом водили в дом ближайших своих родственников откланяться старшим и с ними познакомиться. Это обыкновение соблюдается у некоторых и ныне. В таком случае непременно надобно покорствовать воле оставляющих и отнюдь не отказываться.

Гости жениха по выходе из дому невесты все отправляются к родителям иго изъявить свою радость и поздравить их с утверждением брака. То же самое делается и в доме невесты. Оба дома угощают своих гостей по установленному обряду.

III

Назначение срока для отсылки подарков невесте, т.е., по-нынешнему: сообщение известий

После сговора выбирают день для свадьбы и посылают служанку в дом невесты сказать: «По приказанию Господина моего я пришла известить Вас, что день для свадьбы назначен в таком-то месяце». Получив согласие на это из дому невесты, назначают день для отсылки к ней подарков.

В старину посылали в дом невесты служанку с гусем и водкою известить, что такой-то день назначен для пересылки к ним подарков и в такой-то день положено быть свадьбе. Хозяин дома, взяв гуся и водку, объявляет свое согласие, и служанка возвращается.

IV

Пересылка подарков в дом невесты, т.е., по-нынешнему, отпуск чаю

В назначенный день у жениха, смотря по достатку, чину и важности его отца, заготавливаются четным числом разные шелковые материи, головные уборы, ручные кольца, серьги, свиньи, бараны, гуси, водка и тому подобное. Домашние слуги, пересчитав все вещи, делают им опись на красной бумаге, относят в дом невесты и рас-

ставляют где следует. Определенного числа вещей нет. Наблюдают только, чтобы они были парные. Гражданскими законами положено сообразоваться в этом случае с достатками, почему надобно помнить, что вместо излишней роскоши в подарках лучше соблюсти умеренность.

V

Извещение о счастливом времени

Вместе с подарками препровождают в дом невесты бумагу, украшенную золотыми драконами и фениксами, с показанием дня, часа, минуты, в которые назначено послать за невестою. Хозяин дома, принявши эту бумагу, щедро отдаривает слуг, принесших ее из дому жениха.

VI

Пересылка приданого в дом жениха

За день до свадьбы (т.е. накануне свадьбы) в доме невесты заготавливают приданое и при списке отправляют в дом жениха или с родственниками или со слугами, наблюдая, чтобы оно состояло из осьми пар. Там размещают его в комнатах жениха. Хозяин дома со всеми своими гостями, встретив прибывших с приданым, принимает их в покои и угощает с возможною почтительностью. Жених выходит повидаться с гостями этой церемонии, он отправляется в дом невесты, кланяется тестю и теще и благодарит их за приданое.

VII

Свадьба или прием невесты

В назначенный срок у жениха по уставу заготавливают украшенные шелковыми материями носилки и музыку; приглашают несколько человек из родственников, младших летами, отправиться за невестою, и выбирают двух женщин в сватья. Сперва отправляются к невесте две сватья, а за ними молодые родственники в сопровождении носилок и музыки.

Хозяин дома вместе со своими гостями встречает жениховых гостей и сажает на высшие места, потчует чаем, но более ничем не угощает. Родители невесты тотчас начинают давать ей напутственные наставления, и как скоро наступит счастливый час, то жениховы сватья накладывают ей на голову покрывало и возвращаются в дом жениха.

Молодые родственники его дожидаются, пока невеста сядет в носилки, и тогда отправляются вперед. В доме невесты также избираются две женщины в сватья. Когда невеста усядется в носилки, то сватья и родственницы провожают ее в дом жениха. Там жениховы сватья дают невесте фарфоровую банку, наполненную зерновым хлебом, золотыми или серебряными вещами и тому подобным, и ведут ее в дом. На пороге комнат обыкновенно кладут конское седло, через которое и проводят невесту: банка и седло служат символом благосостояния⁶. Жених тотчас берет кантарь и снимает им покрывало с головы невесты.

VIII

Мена чарок

В то время как меняют чарки (т.е. чарку женихову дают пить невесте, а невестину — жениху) и читают положенную на сей случай молитву, совершается жертво-

⁶ Банка по-китайски пинь, а седло Ань; оба слова произносятся вместе: пинь-ань, не по буквам, а по выговору своему совершенно одинаковы со словом пинь-ань, которое означает благосостояние. В этом только заключается символ.

приношение Небу. Этот обряд выполняется следующим образом: Когда невеста вылезет из носилок, то в убранном пологе (в завесах) укладывают постель и одеяло; во внутренней комнате перед печью на полу расстилают красивый войлок и ставят на нем невысокий столик с двумя винными сосудами и двумя рюмками, которые называют именем двух неразлучных птиц (юань-янь). Заготавливают также один высокий стол, на который ставят заднюю часть баранины, две чашки мелко изрезанного (бараньего) мяса и две чашки густой просовой похлебки; при каждом блюде кладут ложки и палочки, употребляемые вместо вилок. Когда наступит время менять чарки, то приготовленный стол с яствами выносят на двор и ставят под рогожным навесом в юго-восточном углу. Какой-нибудь старик, признанный счастливым, читает вслух положенную на сей случай молитву Небу.

Молитва

«Услышь, великое Небо! В нынешний счастливый день такой-то фамилии двадцатилетний (или смотря по тому, сколько жениху лет) взрослый юноша (или муж) такой-то (по имени) берет в замужество такой-то фамилии добрую девицу. Итак, принося тебе жертву, молимся: умножь потомство его до десяти сынов и до ста внуков; даруй ему прожить шестьдесят лет безболезненно, сто лет безбедственно, продли жизнь его до восьмидесяти лет, укрепи его силы до девяноста лет; из колена в колено покровительствуй ему невидимым твоим содействием и даруй ему дожить до глубокой старости в богатстве и чести».

Эта молитва читается три раза. За каждым разом отрезают пластину от задней части барана, палочками берут несколько изрезанного мяса, а ложкою зачерпывают немного просовой похлебки, и все это бросают на крышу покоев. По окончании чтения молитвы, жертвенное мясо и похлебку вносят в комнату и ставят на низеньком столике. Жених становится на колена по левую сторону столика, а невеста — по правую. Какая-нибудь служанка, признанная счастливою, берет винные сосуды поочередно и, наливши вина в рюмки, передает их двум сватьям, а сватьи попеременно подносят их жениху и невесте. Жених и невеста, принимая рюмки, выпивают понемногу вина и опять возвращают их сватьям. Такая передача рюмки от жениха невесте и обратно совершается трижды. После того стол с кушаньями убирают прочь; сватьи отводят молодых в приготовленный полог и, посадивши на постель один против другой, опускают завесы, погашают свечи и уходят.

Через несколько минут жених выходит к гостям и хозяин дома угощает невестиних сватьев по уставу.

Попутру жених отправляется в дом невесты, кланяется тестю и теще и благодарит их за принятие его в родство.

IX

Поклонение духам

Весь второй день невеста сидит молча. На третий день отец ее (или старший в доме) просит двух родственниц отправиться в дом зятя, умыть, одеть и убрать ее. Это потому что самой невесте заниматься украшением себя считается неприличным.

После рассвета у жениха посредине двора ставят стол с курениями Небу и Земле, тарелку с курением перед домашними Пенатами и, наконец, в юго-восточном углу стол с курением Маньчжурским предкам. Присланные из дому невесты родственницы или знакомые, причесав ей голову и умыв лицо, выводят ее с связкой дров. Дров употребляется 9 полен, из коих каждое длинною в 1 фут и 2 дюйма, а толщиною в палец. [Эти дрова] она кладет на священный очаг, т.е. тот очаг, перед которым в известное время (а именно 12-й луны 23-го числа) поклоняются Духу огня (или очага),

наблюдающему за домашними поступками каждого человека и в конце года отлетающему на небо с донесением. Вслед за тем выполняется обряд хозяйничества в заготовлении кушанья. По окончании сего обряда жених и невеста выходят на среднюю двора к столу с курениями, изготовленными в честь Неба и Земли, зажигают курительные свечи, делают три коленопреклонения и девять земных поклонов. Потом подходят к столу с курением, изготовленным в честь Маньчжурских предков, делают три коленопреклонения и девять земных поклонов. После того входят в главную комнату и совершают тот же обряд перед домашними Пенатами. Наконец зажигают курительные свечи перед именами предков (жениха) и перед каждым по порядку делают одно коленопреклонение и три земных поклона. В заключение точно так же кланяются отцу и матери жениха (а если живы деды и бабки его, то сперва кланяются им, и потом уже отцу и матери), и старшим из родственников. По окончании сих церемоний главная женщина из дому невесты угощает молодых завтраком, присланным от родителей, после чего они выходят к гостям. Из достаточных домов — угощают также своим завтраком и дарят родителей жениха. В этот день гости из дома невесты ходят в дом жениха, где угощают их по принятым обрядам с возможной гостеприимностью.

Конец.

Список литературы

- [Аввакум]. О надписи на каменном памятнике, находящемся на берегу реки Амура недалеко от впадения ее в море // Записки Сибирского отдела Русского географического общества. 1856а. Кн. II. С. 78–79.
- [Аввакум]. О надписи, находящейся на скале у Мангутской пещеры // Записки Сибирского отдела Русского географического общества. 1856б. Кн. II.
- Аввакум (Честной), архимандрит. Дневник кругосветного плавания на фрегате «Паллада» (1853). Письма из Китая (1857–1859). Подг. текста, предисл., примеч. С.А. Васильевой. Тверь, 1998.
- Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае / Сост. Б.Г. Александров. М., 2006.
- Васильева С.А. Предисловие // Аввакум (Честной), архимандрит. Дневник кругосветного плавания на фрегате «Паллада» (1853). Тверь, 1998.
- Васильева С.А. Архимандрит Аввакум (Честной) // Русский биографический словарь. Сетевая версия [<http://www.rulex.ru/Avakum.htm>].
- [Григорьев В.В.]. Монгольская надпись времен Монгке-хана, найденная в Восточной Сибири. Чтение и перевод архимандрита Аввакума, бывшего начальника русской духовной миссии в Пекине. Издана с присовокуплением исследования о письменах монголов В.В. Григорьевым, бывшим профессором восточных языков в Ришельевском лицее. СПб., 1846.
- Густерин П.В. Архимандрит Аввакум (к истории Тяньцзиньского трактата 1858 года) // Новая и новейшая история. 2008, № 6.
- Каталог книг, рукописям и картам на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящихся в библиотеке Азиатского департамента. СПб., 1843.
- РБС. Русский биографический словарь. СПб., 1896. Т. 1. С. 22–23.
- Родосский А. Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов. С.-Петербургской духовной академии. 1814–1869 гг. СПб., 1907.
- Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
- [ТЕВ]. Архимандрит Аввакум Честной (читано в Тверск. Уч. Арх. Комиссии 27 сент. 1897 г.) // Тверские епархиальные ведомости. 1899, № 7–9.
- Pang T.A. “Manju gūsai boo banjire niyaman jafara dorolon i bithe”. — “The Book of Wedding Ceremonies of the Manchu Banner Families”. Fasc., English translation // Aetas Manjurica, 3. Wiesbaden, 1992a. P. 188–212.

Pang T.A. Manju Wedding Ceremony // *Altaic Religious Beliefs and Practices*. Budapest, 19926. P. 279–283.

Pang T.A. Eine unedierte mandschurische Handschrift über die Hochzeitsbräuche der “Mandchubanner” in Sinkiang // *Ethnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen*. Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburtstag. Frankfurt / M., 1994. S. 268–278.

Summary

S.V. Dmitriev

Father Avvakum Chestnoy’s (the Righteous) Materials on Manchu Wedding Rituals

The article deals with the materials of Father Avvakum, one of the famous Russian Sinologists, the head of the 11th Russian Ecclesiastic mission in Peking. He had not published much, but he was of great respect as an Orientalist who worked in the field of Russian diplomacy in the 1840–1860s. A number of his translations is stored at the fund of the well-known Russian Orientalist K.A. Skachkov in the Manuscript Department of the Russian State Library in Moscow. Among them is a short translation titled “The Ancient Marriage Ceremonies of the Manchus”, which was written in Chinese in the 1st year of Jiaqing (1796). The Russian translation is published here. The texts were written by a Manchu who lamented that, after the conquest of China, the Manchus had accepted the Chinese rituals and ceremonies, and had forgotten the traditions of their ancestors. His aim was to re-introduce the “ancient Manchu rituals”, like marriage, among the broad masses of the Manchus.